

ВЕЧНЫЕ ОБРАЗЫ

В.А. Перевалов

УЖЕЛИ ИМЯ НАЙДЕНО?

Аннотация. Обнаружение связи «Дон Жуанских» списков Пушкина в Ушаковском альбоме с «Евгением Онегиным» позволяет по-новому интерпретировать содержание первых глав романа в стихах, также иначе взглянуть на их биографическую основу. Опора на диалектическое единство действительности и поэзии в творчестве Пушкина позволяет автору статьи предложить новое имя для его «утаённой любви». В пушкинистике оно известно, но ей отводилась роль Золушки. По моему мнению, время знакомства и общения с ней Поэта, главное, его творчество в этот длительный период делают именно её кандидатуру приоритетной сравнительно с другими в пушкинистике.

Ключевые слова: филология, А.С. Пушкин, «утаённая любовь», «Евгений Онегин», поэзис, поэзия и действительность, тайна, имя, Ушаковский альбом, Одесса.

После того, как взгляд сумел соединить автопортрет романтического поэта с переизданием 1 главы «Евгения Онегина», включавшим «Разговор книгопродавца с поэтом», в поисках сразу и легко последовал огромный шаг вперёд. Проблема как бы решалась сама собой и даже как будто неведомая сила всячески торопила меня, ускоренно несло к озарившейся цели. Конечно, ведь ключом к... нет, открытым настежь ларцом оказалось самое известное-преизвестное — 2 глава романа в стихах, названная Пушкиным «Поэт». Она начата непосредственно по окончании 1 главы 22 октября 1823 г. и окончена 8 декабря того же года (на строфе XXXIX, строфы XL, XIa и XXXV написаны после)¹.

Во время романских событий бывшему студенту Ленскому «осмнадцать лет»², что соответствует возрасту Пушкина, выпущенному летом 1817 г. из Лицея. Разумеется, и в юности Александр отличался (и в чём-то важном разнился до разноты) от Владимира и поэтически, и вне поэзии. Но в нетождественности с Ленским у юного Пушкина много существенно общего. Аналогично: за подчеркнутым автором различием его от НЕ-поэта Онегина нельзя забывать о равенстве и совпадениях между ними. Как и со всеми остальными, не только главными и главными героями произведения. В общем диалектическое единство состоит, нет, вернее сказать, сопрягается в себя из взаимодействий, с одной стороны, равенств и тождества с собой, и с другой — различий и

разноты (различаний) от себя, живёт в процессе их объединяющих изменений «в себе и для себя», ради (во имя) поддержания и развития собственного существования. Изменения места и ролей «тождества и различий» в обеспечении единства сущего обуславливают необходимость конкретно-исторического подхода к его изучению, объяснению и пониманию (по-иманию значающего имя-наванием, слов с-мы-с-ла с-ловом).

Фигура общения автора с главными мужскими персонажами романа в стихах не является ни равно-сторонней, ни равноугольной. И по возрасту, и по настроению чувств и духа автор ближе к Онегину, который нежданно явится в Одессу летом 1824 г. после 4-х-летней разлуки. О Ленском автор узнает от своего доброго столичного приятеля. Силовое «неравенство» в их единстве — как раз при отсутствии непосредственной связи автора с Ленским — позволяет развернуть замкнутую в пространстве конфигурацию во временную динамику биографии Пушкина. С Онегиным он стал сближаться белыми ночами в Петербурге 1819 г. и тесно сошёлся в тяжкую для обоих осень того же года. Охладелый Евгений отеснил и густо затенил пылкие восторги Ленского (послелицейскую пору Пушкина). Через Онегина Александр Сергеевич вспоминает время, когда не было сомнений в том, что миром владеет Поэт. Владимир Ленский, влюблённый в О-лен-ьку.

Простите, оступился вновь в отступление. Короче, краше и лучше Пушкина не скажешь. Да и читателю удобнее напомнить портрет и образ жизни Владимира Ленского без изыятий. Единственная просьба: в наслаждении текстом, насколько Вы в силах, не забывайте о

¹ Пушкин А.С. Большое Академическое собр. соч.: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935-1959. Т. VI. С. 66.

² Гл. 6, стр. 10, ст. 8.

контексте данного исследования. Итак, свежим взором пылливо-пылкой мысли почтим вслед за опытным Поэтом историю юного поэта.

«Евгений Онегин»
Вторая глава. («Поэт»)

VI. В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

VII. От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев.
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

VIII. Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,
Когда-нибудь, нас озарит
И мир блаженством одарит.

IX. Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь.
Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем.
И Муз возвышенных искусства,
Счастливец, он не постыдил;
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

X. Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных.
Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет.

XI. В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

XII. Богат, хорош собою, Ленской
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенской;
Все дочек прочили своих
За полурусского соседа;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной

О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!).
Приди в чертог ко мне златой!..³

XIII. Но Ленский, не имев конечно
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свести.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От делать нечего дружба.

XIV. Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей конечно знал
И вообще их презирал, —
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал
И вчуже чувство уважал.

XV. Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,
И ум, еще в суждениях зыбкой,
И вечно вдохновенный взор, —
Онегину всё было ново;
Он охладительное слово
В устах старался удержать
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пускай покамест он живет

Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

XVI. Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою череду,
Все подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

XVII. Но чаще занимали страсти
Умы пустынноиков моих.
Ушел от их мятежной власти,
Онегин говорил об них
С невольным вздохом сожаленья.
Блажен, кто ведал их волненья
И наконец от них отстал;
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охлаждал любовь — разлукой,
Вражду — злословием; порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварной двойке не вверял.

XVIII. Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя
И нам становятся смешны
Их своеволие иль порывы
И запоздалые отзывы, —
Смиранные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забывтый в хижине своей.

XIX. Зато и пламенная младость
Не может ничего скрывать.
Вражду, любовь, печаль и радость

³ Из первой части «Днепровской русалки». Примечание Пушкина // Там же. С. 192.

Она готова разболтать.
В любви считаясь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;
Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.
Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

XX. Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселий, ни Науки
Души не изменили в нем,
Согретой девственным огнем.

XXI. Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не знав,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы,
И детям прочили венцы
Друзья соседы, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела как ландыш потаенный,
Не знаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII. Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон.
Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И Ночь, и Звезды, и Луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы

Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII. Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Всё в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой⁴.

То, что Владимир Ленский влюблён в Ольгу Ларину всем читавшим пушкинский роман в стихах известно — известнее надо с большим усердием поискать. Но из чего следует, что автор в этом с ним «за», а не супротив. Резкая, суровая оценка Ольги в контексте перехода к новому авторскому идеалу обескураживает восприятие читателей, забывающих отныне, что портрет прежней любви всё ж очень мил. Автор переходит Рубикон. Он оказался в ситуации, когда необходимо освободиться от очень дорогого, разорвать свою безотрадную зависимость от «очень долго и очень глупо» им любимой. Оглашенное и оглашённое всему честному миру отвержение наотмашь, беспощадное к самому себе главным образом, весомо подтверждает силу и настоящность чувства. Ныне его гонят прочь. В сердце уныние, дух самосокрущён. Интересно, что и Онегин после первого посещения Лариных не «в своей тарелке», что подметил Ленский. Не об одном и том же ли по сути несдержанное высказывание Евгения: «В чертах у Ольги жизни нет» и авторское: «надоел безмерно»?

Конечно, в последнем велико желание разлюбить мучительницу полностью, раз и навсегда. Исполнение сего означало бы быстрое расставание с Ольгой и/или очернение её роли, но в романе она остаётся до предпоследней главы (как и появляется во второй) и оценка её улучшается, достигая апогея в эпизоде расставания её с матерью и сестрой. Пошаговое исследование Образа Ольги и его сравнение с Татьяной, не во всём однозначно превосходящей младшую сестру, — особый предмет. Обратим внимание на то, что непоследовательность

⁴ Там же. С. 33-41.

автора в оценке Ольги созвучна с поведением, с мыслями и чувствами Владимира в три последние дня его жизни: 12, 13 и 14 января. В общем, в единстве между «безмерно надоел» и бесповоротно разлюбил, совершенно изжил зависимость от безотрадной страсти есть и тождество и различие.

Глава пятая «Имянины»

XXXVII. Но чай несут: девицы чинно

XXXVIII. Едва за блюдечки взялись,

XXXIX. Вдруг из-за двери в зале длинной
 Фагот и флейта раздалась.
 Обрадован музыки громом,
 Оставя чашку чаю с ромом,
 Парис окружных городков,
 Подходит к Ольге Петушков,
 К Татьяне Ленский; Харликову,
 Невесту переспелых лет,
 Берет тамбовский мой поэт,
 Умчал Буянов Пустякову,
 И в залу высыпали все,
 И бал блестит во всей красе.

XL. В начале моего романа
 (Смотрите первую тетрадь)
 Хотелось вроде мне Альбана
 Бал петербургский описать;
 Но, развлечен пустым мечтаньем,
 Я занялся воспоминаньем
 О ножках мне знакомых дам.
 По вашим узеньким следам,
 О ножки, полно заблуждаться!
 С изменой юности моей
 Пора мне сделаться умней,
 В делах и в слоге поправляться,
 И эту пятую тетрадь
 От отступлений очищать.

XLI. Однообразный и безумный,
 Как вихорь жизни молодой,
 Кружится вальса вихорь шумный;
 Чета мелькает за четой.
 К минуте мщенья приближаясь,
 Онегин, втайне усмехаясь,
 Подходит к Ольге. Быстро с ней
 Вертится около гостей,
 Потом на стул ее сажает,
 Заводит речь о том, о сем;
 Спустя минуты две потом

Вновь с нею вальс он продолжает;
 Все в изумленье. Ленский сам
 Не верит собственным глазам.
 XLII. Мазурка раздалась. Бывало,
 Когда гремел мазурки гром,
 В огромной зале всё дрожало,
 Паркет трещал под каблуком,
 Тряслися, дребезжали рамы;
 Теперь не то: и мы, как дамы,
 Скользим по лаковым доскам.
 Но в городах, по деревням
 Еще мазурка сохранила
 Первоначальные красы:
 Припрыжки, каблуки, усы
 Всё те же: их не изменила
 Лихая мода, наш тиран,
 Недуг новейших россиян.

XLIII. XLIV. Буянов, братец мой задорный,
 К герою нашему подвел
 Татьяну с Ольгою; проворно
 Онегин с Ольгою пошел;
 Ведет ее, скользя небрежно,
 И наклонясь ей шепчет нежно
 Какой-то пошлый мадригал,
 И руку жмет — и запылал
 В ее лице самолюбивом
 Румянец ярче. Ленской мой
 Всё видел: вспыхнул, сам не свой;
 В негодовании ревнивом
 Поэт конца мазурки ждет
 И в котильон ее зовет.

XLV. Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
 Да Ольга слово уж дала
 Онегину. О боже, боже!
 Что слышит он? Она могла...
 Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
 Кокетка, ветреный ребенок!
 Уж хитрость ведает она,
 Уж изменять научена!
 Не в силах Ленской снести удара;
 Проказы женские кляня,
 Выходит, требует коня
 И скачет. Пистолетов пара,
 Две пули — больше ничего —
 Вдруг разрешат судьбу его⁵.
 Глава шестая («Поединок»)
 I. Заметив, что Владимир скрылся,
 Онегин, скукой вновь гоним,

⁵ Там же. С. 114-117.

Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщением своим.
За ним и Олинька зевала,
Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил, как тяжкий сон.
Но кончен он. Идут за ужин.
Постели стелют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

XIII. Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок —
И очутился у соседок.
Он думал Олиньку смутить
Своим приездом поразить;
Не тут-то было: как и прежде,
На встречу бедного певца
Прыгнула Олинька с крыльца,
Подобно ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела,
Ну точно так же, как была.

XIV. «Зачем вечер так рано скрылись?»
Был первый Олинькин вопрос.
Все чувства в Ленском помutilись,
И молча он повесил нос.
Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностию взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой!..
Он смотрит в сладком умиленье;
Он видит: он еще любим;
Уж он раскаяньем томим,
Готов просить у ней прощенье,
Трепещет, не находит слов,
Он счастлив, он почти здоров...

XV. И вновь задумчивый, унылый

XVI. Пред милой Ольгою своей,

XVII. Владимир не имеет силы
Вчерашний день напомнить ей;
Он мыслит: «буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал

Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухутренний цветок
Увял еще полураскрытый».
Всё это значило, друзья:
С приятелем стреляю я.

XVIII. Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывал.
Онегин обо всем молчал;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

XIX. Весь вечер Ленский был рассеян,
То молчалив, то весел вновь;
Но тот, кто музою взлелеян,
Всегда таков: нахмуря бровь,
Садился он за клавикорды
И брал на них одни аккорды,
То, к Ольге взоры устремив,
Шептал: не правда ль? я счастлив.
Но поздно; время ехать. Сжалось
В нем сердце, полное тоской;
Прощаясь с девою молодой,
Оно как будто разрывалось.
Она глядит ему в лицо.
«Что с вами?» — Так. — И на крыльцо.

XX. Домой приехав, пистолеты
Он осмотрел, потом вложил
Опять их в ящик и, раздетый,
При свечке, Шиллера раскрыл;
Но мысль одна его объемлет;
В нем сердце грустное не дремлет:
С неизъяснимою красой
Он видит Ольгу пред собой.
Владимир книгу закрывает,
Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг пьяный на пиру.

XXI. Стихи на случай сохранились;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.
Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Всё благо: бдения и сна
Приходит час определенный,
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

XXII. «Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день;
А я — быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень,
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета,
Забудет мир меня; но ты
Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной!..
Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг!..»

XXIII. Так он писал темно и вяло
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою,
На модном слове идеал
Тихонько Ленский задремал;
Но только сонным обаяньем
Он позабылся, уж сосед
В безмолвный входит кабинет
И будит Ленского воззваньем:
«Пора вставать: седьмой уж час.
Онегин верно ждет уж нас»⁶.

Ну, ладно, ладно. Допустим, что Пушкин-автор первых глав «Евгения Онегина» был влюблён в Ольгу с юности и до Одессы, где его сокровенное чувство подверглось такому тяжелейшему испытанию, что стало катастрофически невыносимым и взорвалось;

допустим и то, что оно исподволь вернулось к нему после саморазверзания и отторжения, после отчаянной попытки вечного изгнания. Пусть будет так. Да вот только Ольга — действующее лицо романа, т.е. и имя, на которое мы согласились (условно) не реальное имя N.N. А как звали неодолимый магнит любовной страсти Пушкина в жизни остаётся неизвестным. Если, конечно, таковая была.

Вопрос на засыпку, поскольку по многим свидетельствам разных современников Поэт был любвеобильным, хоть и не рекордсмен по строгим подсчётам знатоков, но молвою окрещён Дон Жуаном. Поиски Одной-Единственной, NN длятся уже 150 лет и сколько ещё продлятся неведомо никому⁷. Надо бы ключ к тайне отыскать. Если, конечно... Конечно, конечно, если он вообще нужен! Дурацкое, конечное разрешение проблемы — отказ от ключа, открывающего ларец с тайным именем. Ларец открыт всем с момента опубликования 2 главы романа в 1826 г. В кульминации трагической линии своей любви Поэт исторг на весь мир, что Священная ему безмерно надоела, предпринял попытку полного и безвозвратного разрыва корневой зависимости сердца. Жизнь и Поэзия (реалистическое воображение творения стихий) — одно. Пушкин очень точен. Невероятно, чтобы он отступил в пустой вымысел в святилище души своей. Просто невозможная невозможность.

Но критическому рацио и «тождество» священного поэтического воображения и жизненных перипетий не помеха, не запрет для продолжения исследования⁸.

Кто из давних знакомых Пушкина зовётся Ольгой? Чьё местожительство тесно связано с Одессой? Кто долго отсутствовал в ней и появился в этом городе в начале 1823 г.? С кем в этом году произошло нечто драматичное? С кем Поэт мог общаться в Одессе до своей высылки в Михайловское в июле 1824?

Такая Ольга среди знакомых Пушкина есть. В пушкинистике она известна, её имя содержится в указателях собрания сочинений Поэта, в «Летописи...» отмечены их встречи, упоминания в переписке. Однако роль, доселе отводимая ей, крайне малозначительна в жизни Александра Сергеевича и исчезающе мала в его творчестве. Так, её нет среди претенденток на роль NN. Даже в многочисленных перечнях «113 (и больше) пре-

⁷ С историей и состоянием проблемы «утаенной любви» в конце XX в. читатель может обстоятельно познакомиться в кн.: Утаенная любовь Пушкина. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 495 с.

⁸ Об упоминаемых далее лицах см.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-ое изд. Ленинград: Наука, 1988. 544 с., а также именной указатель в: Летописи жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / сост. Н.А. Тархова. М.: Слово, 1999.

⁶ Там же. С. 117, 122-127.

лестниц» оно не упоминается никем из составителей. В «Евгении Онегине» не искали её следов. Даже когда она из «массовки» выдвигается вперёд и становится заметной, различимой в ряду окружения Поэта, то не столько благодаря вниманию к себе, сколько в свете другой особы. В общем, Ольга в пушкинистике Золушка. Может для Пушкина она — Принцесса, NN? В его поэзисе (созидании) космоса (наряде стихий) не ей ли в пору хрустальный башмачок, столь тяжкий для нашего героя?

Итак, позвольте представить Вам к юбилею нашу протеже — Золушку. Олюшку, Ольгу Станиславовну Потоцкую. Потоки Любви Поэта слились в ней в Потоп космический, небесный и земной — всемирный.

Теперь биографическая проза. В начале 1823 г. Ольга жила вместе с семьёй своей старшей сестры Софьи и влюбилась в её мужа Павла Дмитриевича Киселёва, ответившего ей взаимностью. Их счастье стало несчастьем для всех, когда соблазнительная связь открылась для Софьи. Слух о «гареме из сестёр» начальника штаба 2-ой армии стал распространяться вне семьи, ложился пятном на его репутацию. Особенно опасным для карьеры Павла Дмитриевича положение стало после июньской дуэли, на которой он смертельно ранил в живот отставленного им полгода назад бригадного командира Мордвинова, скончавшегося к утру. В чрезвычайных обстоятельствах, грозивших потерей благорасположения императора, срывом (или концом) карьерного восхождения, на помощь Киселёву пришёл друг. Чтобы как-то разрядить кризисную ситуацию, он предложил как можно скорее выдать Ольгу замуж, выбить её вступлением в законный брак «фактические» основания под аморальными слухами, обеспечить её положение в свете статусом замужней дамы. Имя друга — Михаил Семёнович Воронцов, только что вступивший в должность генерал-губернатора Новороссии. В качестве жениха Воронцов предложил своего родственника и друга Льва Александровича Нарышкина. Ни жених, ни невеста не любили свою будущую законную половину. Ольга Потоцкая шла на жертву ради Киселёва (не потому ли Ольга Ларина Дмитриевна?). Лев Нарышкин давно и безысходно впал в однолюбство. Предметом его безрассудного обожания была его тётка, знаменитая многолетняя любовница Александра I Марья Антоновна Нарышкина. Более 10 лет она открыто жила с императором, рожала ему дочерей и покинула «Е.И.В.» (и мужа), когда Ангел, Благословенный совершал свой славный европейский поход против узурпатора и агрессора Наполеона. То призываемый, то бросаемый на волю своей повелительницей Лев согласился с предложением Воронцова на брак с Ольгой Потоцкой, вероятно, при условии оплаты его неотложных карточных долгов.

Михаил Семёнович надеялся, что молодая красивая жена перебьёт пагубную страсть родственника и друга и денег не пожалел. 1 ноября 1823 г. в Одессе обе стороны вступили в брак без любви и в нём её не искали.

Что творилось в душе Ольги? О крайних неладах в её переживаниях можно догадываться по тому, что в Одессе она постоянно находилась под опекой близких, более опытных подруг: Екатерины Орловой и Элизы Воронцовой.

Для гипотезы приведённых оснований в общем достаточно. А целое в конкретно-историческом единстве своих многообразных частей и деталей требует продолжения исследования: фактов, аргументов, доказательств, интуиций.

В 1 томе «Летописи жизни и творчества Александра Пушкина», содержащем сведения с 1799 по 1824 гг., Нарышкина Ольга Станиславовна, урожд. Потоцкая, упоминается 8 раз⁹. Все эти встречи уместаются в одесский период — с июля 1823 г. по весь июль (включительно) 1824 г., до вынужденного отъезда Поэта в Михайловское.

Первое сообщение как раз посвящено знакомству и общему времени их встреч. «1823. Июль. 3(?) — 1824. Июль, 31. Знакомство и общение с Л.А. и О.С. Нарышкиными»¹⁰.

Во-первых, летом Ольга еще не была Нарышкиной, ее свадьба с Львом Александровичем свершится 1 ноября того же года в Одессе. Поэт знакомится с женихом, если не встречался с ним в столице, и возобновляет общение с невестой. Ново для него только это качество Ольги Потоцкой. Это второй крайне тяжелый удар для него за последние месяцы. После того, как в мае он узнал о ее скандальной связи с мужем старшей сестры, которую все же можно было как-то понять своенравием вольного сердца, неодолимостью быстро вспыхнувшего в душе вопреки моральным запретам глубокого чувства, то согласие в данных обстоятельствах стать женой нелюбимого и к ней равнодушного человека было катастрофичным. Разлука тянулась годы, время от времени полнилась слухами о ее благосклонности к кому-то из толпы блестящих ухажеров, но все ж среди мучительного ожидания оставалась надежда на встречу, на решительное объяснение с тем или иным окончательным исходом. И вот через три года встреча, без объяснения сокровенных чувств и, следовательно, без исхода, без снятия с распятия. Обычное учтивое общение. Он чуть с ума не своротил, пряча клопочущие на разрыв страсти.

⁹ Летописи жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / составитель Н.А. Тархова. М.: Слово, 1999. Т. 1. С. 549.

¹⁰ Там же. Т. 1. С. 331.

Оставалось надеяться на чудо, ведь свадьба еще не состоялась. Что делать? Выступить с открытым забралом или предаться спонтанной игре волн в море жизни?

Во-вторых, констатация знакомства с Ольгой Потоцкой не признает, что они могли общаться в Петербурге, до опалы Пушкина, причем до выпуска его из Лицея в июне 1817 г. Тем самым ставится под сомнение довольно хорошо обоснованная версия Л. Гроссмана о вдохновительнице поэмы «Бахчисарайский фонтан», которую поддерживают и развивают Т.М. Фадеева и В.А. Святелик¹¹. Согласно этим авторам, старшая из сестер (приблизительно на год) Потоцких Софья поведала Поэту семейное предание. Тогда Пушкин просто не мог не быть знакомым и с младшей из сестер — с Ольгой.

Их отцом был представитель славного, знатного и богатого польского рода Станислав Потоцкий, а матерью «прекрасная гречанка» из Константинополя Софья Константиновна Потоцкая, урожденная Клавоне, по первому мужу Витт. Скорее всего, именно она рассказала дочерям легенду о пленной польской княжне, которая храня верность отеческим заветам, умерла в гареме хана Бахчисарая. Влюбившийся без памяти в нее хан был потрясен стойкостью гордой девы и увековечил ее подвиг памятником во дворце. То, что пленная полячка носила фамилию Потоцких, оказало огромное воспитывающее значение на дочерей. Особенно прониклась примером негибаемой воли пленницы, видимо, старшая дочь Софья, поскольку ей Поэт посвятил завершенную летом и осенью того самого 1823 г. поэму. Но и Ольга была впечатлена возвышенным поведением представительницы их рода: тот памятник они фонтаном слез именовали.

Нельзя исключить, что на предпочтение Поэтом посвящения поэмы Софье сказалось его состояние. Поведение Софьи явно выигрывало сравнительно с Ольгиным. Однако следует отдать должное: обе не только не стремились выносить сор из избы ради собственного оправдания за счет поношения другой, но старались примириться со случившимся и сохранить друг к другу родственные, уважительные отношения. К неприязни Ольги, быть может достигшей в это время максимума отвращения, примешивалось и желание не раскрывать ни перед кем «очень долгих и очень глупых» чувств к ней. Прежде всего утаить любовь от самой возлюблен-

ной. Свести её к шутке, оставить детское увлечение давно минувшей заре юности. В «Капитанской дочке» даже Швабрин не будет называть имя возлюбленной перед следственной комиссией (правда, раскрытие имени было и не в его интересах).

Если главной вдохновительницей «Бахчисарайского фонтана» признать Софью, но отсюда еще нельзя заключить, что она и есть «утаенная любовь» Поэта, как утверждает в версии Л. Гроссмана. Тут важным критерием выступает реакция Пушкина на замужество сестер Потоцких. Софья стала женой П.Д. Киселева 25 августа 1821 г. Возможно, что Пушкин в честь этого события и решил переложить в стихи ее рассказы о пленной Потоцкой. Преподнесение поэмы в дар новобрачной при личной встрече давало возможность узнать об Ольге, находившейся с больной матерью в Петербурге, потом в Берлине. Само написание поэмы как подарка для жены начальника штаба второй армии было весомым аргументом для того, чтобы получить от Инзова разрешение посетить Тульчин. Разве эти волнения можно сравнить с той сокрушительной бурей, которую вызвали новости о соблазнительной связи с одним и о предстоящей свадьбе с другим Ольги? Соломинка, оставшаяся после ее измены сестре и любви до гроба Поэта, беспощадно вырывалась из рук и так почти утонувшего.

Что следует из признания гораздо более давнего и не исключено более тесного общения Александра с Софией и Ольгой. Включение в зону повышенного внимания встреч и оценки П.Д. Киселева. Например, весной 1819 г. у Пушкина вдруг возникает очень сильное желание сменить гражданскую службу на военную. Прежде всего напрашивается мысль, что подвернулся удобный случай осуществить лицейскую мечту о поступлении в гусары. Но случайно ли в случае этом то, что с возможностью его решения Поэт обращается к Павлу Дмитриевичу, назначенному начальником штаба 2-й армии, ставка которой расположена в Тульчине? В Тульчине же находится родовое имение Потоцких. Не таит ли острое желание переменить род и место службы надежду оказаться поближе к девицам Потоцким? Не связано ли с этим событие у Кагульского памятника «31 mars 1819 г.»?

Из приведенных сведений вне контекста событий 1823 г. еще не ясно, к какой из сестер устремлены мечты Поэта, так как Софья еще не стала женой Киселева, о помолвке их не объявлено, а о достигнутом согласии ее и матери на предложение руки и сердца бравым молодым генералом, любимцем императора, мало кому известно. Во всяком случае ни Поэт, ни его друг князь Вяземский не в курсе дела; иначе бы последний, друг Киселева с молодости, сообщил Александру об успехе Павла Дмитриевича и, возможно, поумерил бы

¹¹ См.: Гроссман Л.П. У истоков «Бахчисарайского фонтана» // Утаенная любовь Пушкина. СПб., 1997. С. 227-293; Фадеева Т.М. Две Софии и Пушкин. Истоки вдохновения «Бахчисарайского фонтана». Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 216 с.; Святелик В.А. Легенда, пришедшая к Пушкину // Знамья. 1989. № 8. С. 211-220.

волокичество за той, которую назвал «похотливой Минервой». «Остряк замысловатый» попал здесь впросак: четыре года до весны 1821 г. предстоящий брак Софьи (младшей) Потоцкой и Павла Дм. Киселева оставался в тайне, проходил испытание верностью.

Время «светского сезона» Софья Константиновна с дочерьми проводила в столице, весной и в начале лета они жили в Одессе. А в летний жар отдыхали в своём крымском имении рядом с Гурзуфом. Быть может тогда сокровенный смысл счастливого пребывания Поэта на юге в 1820 г. выходит за пределы семьи Раевских. Встреча Пушкина с Одной-Единственной не состоялась, началась долгая разлука. Крым — колыбель Онегина. Не надежда ли на встречу с Ольгой была тайной причиной частых отлучек Поэта из Кишинёва в Одессу в 1821-1823 гг.?

Дальним родством и исполнением особых поручений связан был с П.Д. Киселевым близкий кишиневский приятель Александра Сергеевича Николай Степанович Алексеев. От него, не вызывая подозрений, Поэт мог черпать сведения о семье Киселевых, о старшей Потоцкой, находящейся с 1820 г. в Петербурге по делам раздела имущества, а затем последние месяцы перед смертью в ноябре 1822 г. в Берлине. Все это время Ольга неотлучно была с ней. Софья приехала с новорожденным сыном Владимиром в Берлин перед самой ее кончиной. Встретив бюрократические трудности в перевозке тела матери через границу, сестры пошли на хитрость: границу России Софья Константиновна Потоцкая пересекла как живая. Это была последняя авантюра «прекрасной гречанки», как обыкновенно удавшаяся. После похорон матери Ольга поселилась в доме сестры и ее мужа (~декабрь 1822 г.).

Если тайным предметом воздыханий Поэта была Потоцкая, то изменяется оценка роли и места его общения с начальником военных поселений юга России Иваном Осиповичем Виттом. По матери он — брат Софьи и Ольги (и других ее детей от брака со Станиславом Потоцким). С точки зрения «утаенной любви» брат Иван не столь важен как его многолетняя жившая с ним в открытую любовница Каролина Адамовна Собаньская. Сестры относились к ней по-разному: Софья поддерживала отношения, Ольга нет. Усиленное ухаживание за Каролиной тем испепеляющим летом могло быть действием назло Ольге, желанием проверить, будет ли она ревновать. Этот прием в поведении Поэта отметит А.А. Оленина в период его «жениховства» к ней в 1828 г.

С красавицей полькой, воспетой и Адамом Мицкевичем, Пушкин познакомился в феврале 1821 г. и — с перерывами — общался девять лет, до весны 1830 г. Ей посвящен шедевр «Что в имени тебе

моем» и предположительно другие произведения Пушкина. Она выдвинута в качестве претендентки на главную героиню его утаенной любви. Пока ограничимся указанием на ее отсутствие в первом Дон-Жуанском списке. Это дает основание предположить, что ухаживание за ней, порой очень пылкое и скоро ниспадающее до волокичества (что в свою очередь, несомненно, несравнимо с приволакиванием как-нибудь) отличается от мучительной страдальческой страсти к NN. В определенном ракурсе пани Каролина интересовала Пушкина, как и Н.С. Алексеев, в качестве источника того, что происходит в семье Киселевых, с Потоцкой старшей и находящейся с матерью Ольгой.

Преимущество Собаньской перед Николаем Степановичем заключалось в том, что вполне понятное, «самое естественное» волокичество за ней одновременно было и ширмой, скрывающей, отвлекающей и дурманно чуть ослабляющей распроклятые любви к Одной Единственной.

Как Дама-ширма Каролина Адамовна была не одинока. У нее была славная компания. Собаньской она была по мужу, насильно навязанному, нелюбимому, покинутому при первой возможности без толики сожаления. По отцу Каролина была графиня Ржевуская (ее сестра Эвила по первому мужу Ганская во втором браке станет женой Балзака). Адам Ржевуский сыграл видную роль в третьем, окончательном для потери государственной самостоятельности разделе Польши. Его ближайшими сподвижниками в проведении пророссийской политики были Станислав Потоцкий, на которого по заданию Потемкина обратила свой неотразимо пленяющий взор Софья Витт, будущая графиня Потоцкая, мать Софии и Ольги, а также коронный гетман Ксаверий Браницкий. Он попал в медовые сети любимой племянницы светлейшего князя Таврического Григория Потемкина Александры Энгельгард. Плодом их супружества явилась дочь Елизавета Ксаверьевна Браницкая, удостоенная чести иметь своей крестной матерью великую российскую императрицу Екатерину II. Мужем Е.К. Браницкой стал также крестник «росской Минервы» Михаил Семенович Воронцов. Их брачная церемония произошла 20 апреля 1819 г. в Париже. В мае 1823 г. М.С. Воронцов назначен генерал-губернатором Новороссийского края и полномочным наместником Бессарабии. В результате принятия дел у Инзова под его начало перешла и часть прежнего чиновного штата, в числе коего оказался и опальный коллежский секретарь (X класс) Коллегии иностранных дел А.С. Пушкин.

Представление новому начальнику произошло где-то в самом начале лета, с губернаторшей знакомство

состоялось в начале осени, в сентябре. Много тогда воды утекло: лавина приключений и злоключений отделила брег прошлого и берега в будущем взывавшие неумолимо волны не обещали.

В предлагаемой оптике «утаенной любви» и Екатерина Николаевна Орлова (до 15 мая 1821 г. Раевская, дочь племянника вездесущего Григория Потемкина) и Екатерина Ксаверьевна Воронцова представляются Дамами-ширмами, исполняют аналогичную роль, что и Каролина Адамовна Ржевуская (так точнее, чем официально Собаньская). При рассмотрении в более высоком «цифровом» разрешении роль кого-то из них может быть на порядок существенней. Их значимость в оценке Поэта велика: Орлова (Екатерина III) и Воронцова (Элиза) включены им в первый Дон-Жуанский список и занимают в нем почетные места — 7 и 12 соответственно.

Сие можно обосновать и, насколько возможно, доказательно подкрепить. Не забывая при этом, что людское сердце своенравно, воля вольная вольна быть «за» против всех аргументов и самых авторитетных мнений и суждений, хоть и на свою голову: жутко плохо, хуже не бывает, зато исключительно по-моему, самое-самоё «я» в «я», по своей глупости поступить. А уж в любви, где хула от нее (него) такая хвала, что смерть в ней радостна, в ней болезненной нет закона, всему остальному хоть как-то присущему. Гуманитарное знание не астрономия, ум в ней отгадчик. Более или менее угадать умом, стремящимся к истине с восторженным любовью к людям сердцем и душою вдохновенной, исследуя жизненные происшествия, их концентрацию в событиях, в судьбоносных Случаи, значит сохранить в неповторимости каждого индивидуальность (своеобразно всеобщее) от размывания и растворения её в одинаково общем многим.

Список литературы:

1. Летописи жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / Сост. Н.А. Тархова. М.: Слово, 1999.
2. Пушкин А.С. Большое Академическое собр. соч.: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935-1959. Т. VI. С. 66.
3. Святелик В.А. Легенда, пришедшая к Пушкину // Знамя. 1989. № 8. С. 211-220.
4. Утаенная любовь Пушкина. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. 495 с.
5. Фадеева Т.М. Две Софии и Пушкин. Истоки вдохновения «Бахчисарайского фонтана». Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 216 с.
6. Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Ленинград: Наука, 1988. 544 с.

References (transliteration):

1. Letopisi zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina. V 4-kh tomakh / Sost. N. A. Tarkhova. M.: Slovo, 1999.
2. Pushkin A.S. Bol'shoe Akademicheskoe sobranie sochineniy v 17 tomakh. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935-1959. T. VI. S. 66.
3. Svyatelik V.A. Legenda, prishedshaya k Pushkinu // Znamya. 1989. № 8. S. 211-220.
4. Utaennaya lyubov' Pushkina. SPb: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 1997. 495 s.
5. Fadeeva T.M. Dve Sofii i Pushkin. Istoki vdokhnoveniya «Bakhchisarayskogo fontana». Simferopol': Biznes-Inform, 2008. 216 s.
6. Chereyskiy L.A. Pushkin i ego okruzhenie. 2-oe izd. Leningrad: Nauka, 1988. 544 s.